

БИБЛИОГРАФИЯ

DOI 10.25991/VRHGA.2021.22.2.037

УДК 325.25

*П. Н. Базанов**

**СПЕКТОРСКИЙ Е. В. ВОСПОМИНАНИЯ / ВСТУП.
СТ. С. И. МИХАЛЬЧЕНКО, Е. В. ТКАЧЕНКО; ПОДГОТОВКА
ТЕКСТА, КОММЕНТ. С. И. МИХАЛЬЧЕНКО; КОММЕНТ. П. А.
ТРИБУНСКОГО. — РЯЗАНЬ, 2020. — 654 с.
(СЕРИЯ «НОВЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ:
ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ», Т. 13)**

P. N. Bazanov

Spektorsky E. V. Memories / Intro Art. S. I. Mikhailchenko, E. V. Tkachenko; preparation of the text, comments. S. I. Mikhailchenko; comment. P. A. Tribunsky. — Ryazan, 2020. — 654 p. (Series «Recent Russian History: Research and Documents», vol. 13)

Отечественное эмигрантоведение обогатилось новым интересным источником! В России вышли мемуары знаменитого русского ученого Евгения Васильевича Спекторского (1875–1951). Е. В. Спекторский известен как незаурядный русский философ, правовед, обществовед и социолог. Он входит в когорту российских ученых не простого обогативших отечественную культуру Серебряного века и Русского Зарубежья, но выведших нашу науку на самый высокий мировой уровень.

Нельзя сказать, что про жизнь и деятельность Е. В. Спекторского ничего не известно, с начала 1990-х гг. о нем написаны десятки статей, его научные работы активно переиздаются, его творчество прочно вошло в современную российскую науку. И вот наконец вышли его воспоминания. Они делятся на три большие части: «Варшава» (детство, юношество, молодость), «Киев» (профессорство и ректорство), «Эмиграция» (Белград, Прага, Люблина).

На долю первой эмиграции выпала совершенно необычная жизнь. Биографии многих наших соотечественников порой напоминают захватываю-

* Базанов Петр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры», bazanovpn@list.ru

щие приключенческие романы. Реальная жизнь государственных деятелей, писателей и ученых интереснее любого художественного, авантюрного, беллетристического произведения. Профессор Е. В. Спекторский — классический академический ученый, ректор Киевского университета, профессор нескольких европейских университетов, но все вышеизложенное применимо к его биографии.

Воспоминания большинства русских эмигрантов традиционно хорошо читаются современной интеллектуальной публикой. Интерес к мемуарам первой половины XX в. легко объясним. Сказывается дореволюционное образование мемуаристов, где не только в гимназии, но и реальном или военном училище учили писать тексты. Сама эпоха с русско-японской войной, «стольпинскими реформами», Первой мировой и Гражданскими войнами, перипетиями эмиграции и т. д. превращала жизнь каждого человека, даже самого «простого», в увлекательный, приключенческий роман. Творчеству, особенно автобиографическим произведениям и мемуарам, способствовало основное настроение русских изгнанников — ностальгия, а основная тема — воспоминания о Родине — РОССИИ, «как было хорошо в России до большевиков», как произошла революция, как белые проиграли Гражданскую войну и т. д.

Даже на фоне блестящего созвездия ученых и общественных деятелей Русского Зарубежья выделяется судьба такого необычного человека, как Е. В. Спекторский — русский ученый мирового уровня, с детства великолепно знавший польский, немецкий и французский языки, декан и даже ректор Киевского университета в роковом 1918 г.

Немногие российские ученые могли похвастаться, что слушали лекции и выступления М. Вебера и В. Зомбарта, как Е. В. Спекторский. К тому же известный ученый был любимым учеником Александра Львовича Блока (даже написал про него мемориальную брошюру) и не просто хорошо знал, но и дружил с его сыном поэтом А. А. Блоком.

Е. В. Спекторский, работая в ведущих российских университетах, знал почти всех известных отечественных ученых начала XX в. В воспоминаниях дается характеристика многие его знакомым, прекрасно описан университетский быт в царствование Николая II, особенности подготовки, публикации и защиты научных работ. Е. В. Спекторский, как истинный ученый, описывает свою защиту магистерской диссертации в Юрьевском (ныне Тартуском) университете, особенности официального диспута. По субъективному мнению рецензента, уже более четверти века работающего в высшей школе, очень многие вещи совпадают с дореволюционными временами, но есть и примечательные особенности. Мало того, университетская среда хотя и стала принципиально более многочисленной, но общие недостатки — наличие самолюбивых и обидчивых людей, считающих себя непризнанными гениями, откровенных бездельников, служащих исключительно ради жалованья остались прежними. «Ладить с профессорами не так-то легко: очень уж много среди них чрезвычайно самолюбивых и обидчивых людей. Даже ученые с крупными именами и несомненными научными заслугами нередко поражают своей мелочностью и нетерпимостью» (с. 240).

Приведем для примера прекрасную характеристику П. Н. Милюкова: «При этом он обнаружил обычную особенность своего характера: последовательную, несокрушимую логику в выводах и ошибочность основной предпосылки...» «Я (Е. В. Спекторский. — П. Б.) всегда считал, что Милюков, как и Струве, манкировали свое настоящее призвание. Из них вышли бы хорошие ученые. Но их загубила политика. Она испортила «Очерки по истории русской культуры» Милюкова. Мне до сих не понятно, почему он, несмотря на свое западничество, изобразил Петра Великого по Валишевскому, как какого-то пьяного и безответственного варвара. Подражая Ключевскому с его подхихикиванием, Милюков острил по поводу того, что Петр Великий обучал мореходству — на Сухаревой башне. Но ведь он действительно обучил. И если это произошло на Сухаревой башне, тем более большая заслуга. В эмиграции я не прощал Милюкову его компании против голодных галлиполийцев, а так же того, что из личного честолюбия он сорвал возможность образования всеэмигрантского комитета после эвакуации Врангелевской армии» (с. 250).

Наибольшую актуальность представляет раздел «Киев». Хотя Е. В. Спекторский и осуждал коллег за политизированность, особенно в науке, но и сам подчеркивал свои политические принципы. «Казалось, что если режим большевиков продлится еще, то жизнь потеряет всякий смысл. Никаких иллюзий относительно их «эволюции» у меня не было. Я и доныне остаюсь их решительным противником. И я не могу преодолеть чувства брезгливости, вызванного во мне нашими соглашателями, так и теми европейцами, которые, мня себя передовыми, восхищаются одной из самых варварских реакций в мировой истории» (с. 265–266).

Столь же отрицательное отношение у русского ученого и к украинским сепаратистам. Е. В. Спекторский в мемуарах незаметно несколько раз подчеркивает, что если ученый из Малороссии выдающийся, то он считает себя по культуре русским, а если бездарность — то сторонник украинского движения. Про «украинских академиков» и публицистов в 1918 г. он пишет, что они были по национальности кем угодно, но только не украинцами (с. 257). С другой стороны, он осуждает легкомыслие многих представителей русской интеллигенции: «Когда казалось, что Украина колеблется и непрочна, они начинали над ней подтрунивать по дурной привычке многих, воображающих что можно разрешить трудный и даже трагический украинский вопрос насмешками вроде фразы «пер самопер до мордопися» (что якобы означало «ехал автомобиль к фотографу»)» (с. 240). Подчеркивает Е. В. Спекторский и то обстоятельство, что именно «полуинтеллигенция» Юга Российской империи давала кадры для украинского движения. Избранный коллегами в 1918 г. ректором Киевского университета он вспоминал: «Только с падения гетмана начались гонения на русский язык, особенно когда появились галичане. Они насильственно насаждали тот галицкий жаргон, который мне великороссу, знающему польский язык, был более понятен, чем коренным малороссам» (с. 244). С нескрываемым удовольствием он, как очевидец, описывает позорную историю с освобождением Киева от красных. «Петлюровцы поспешили водрузить сине-желтый флаг над городской думой. Иным киевлянам показалось стало уже казаться что они попали из огня в полымя. <...> Спускаясь по Фундукле-

еюй улице, я услышал со стороны думы треск пулемета. Из затем из-за угла Крещатика появились петлюровцы, которые выражаясь языком гражданской войны, «драпали» вверх по улице. Оказывается, к думе подошли добровольцы, которым была устроена восторженная встреча. Начальник русского отряда распорядился водрузить на балкон думу наш флаг рядом с висевшим украинским. Но какой-то самостийник полез на балкон и сорвал русский флаг. Тогда добровольческому отряду был дан приказ открьть огонь. И хотя пальба была в воздух, петлюровский отряд обратился в паническое бегство. Выбравшись из Киева он подверг его артиллерийскому обстрелу. Несколько снарядов попало в университет, один в квартиру профессора Егиазарова» (с. 266). Ничего не напоминает из новостной информации последних лет?

Большая часть мемуаров Е. В. Спекторского посвящена эмигрантскому периоду. В отличие от большинства соотечественников, он не бедствовал в зарубежье, а жил материально обеспеченно, только «квартирный вопрос» иногда его не устраивал. Знаменитый ученый, он легко получал хорошо оплачиваемую преподавательскую и научно-исследовательскую работу в Белграде и в Праге в 1920-х гг. Причем после трехлетней жизни в Чехословакии он был с снова распростертыми объятьями принят югославскими коллегами. В начале 1930-х гг. Е. В. Спекторский так же спокойно переводится в университет города Любляны. В отличие от Серебряного века в России и даже пражского периода 1924–1927 гг., русская интеллигенция в королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (Югославии) почти не оставила мемуарного наследия, и поэтому подробнейшее описание Е. В. Спекторским жизни наших изгнанников, прежде всего ученых, имеет неоценимое значение. Наши соотечественники стремились показать Западу и советской метрополии уровень и возможности отечественной науки и культуры за рубежом. Воспоминания Е. В. Спекторского убедительно подтверждают эту идею.

Мемуары охватывают огромный период — сорок лет, но не сохранились ранние годы детства и, видимо, не был не написаны воспоминания о последнем периоде — Второй мировой войне и эмиграции в США. Воспоминания предназначались для публикации в известном американском издательстве им. Чехова в начале 1950-х гг., но Е. В. Спекторский внезапно скончался, и они вышли в свет только в наши дни.

Текст мемуаров предваряет монументальная вступительная статья брянских историков, специалистов по научной деятельности Е. В. Спекторского — руководителя Центра славяноведения Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского, доктора исторических наук, профессора Сергея Ивановича Михальченко и кандидата исторических наук, доцента Елены Викторовны Ткаченко. С. И. Михальченко — автор многочисленных статей о жизни и творчестве Е. В. Спекторского, а кандидатская диссертация Е. В. Ткаченко было посвящена научно-образовательной деятельности и общественно-политическим взглядам известного ученого. С. И. Михальченко отдельно написал и вводную статью именно об особенностях публикации данных мемуаров.

Отметим так же и некролог немецкого русиста Дитмара Вульфа (1955–2020), основателя серии «Новейшая российская история: исследования и до-

кументы», написанный профессором истории Нотр-Дамского университета (США) С. М. Ляндресом.

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Дом русского зарубежья им. А. Солженицына Павел Александрович Трибунский и С. И. Михальченко написали несколько тысяч (!) комментариев к мемуарам Е. В. Спекторского. Комментарии чрезвычайно обширны, порой излишне кратки, но при таком их количестве часто оправданно формальны. Вместе с тем, не для того чтобы уличить С. И. Михальченко и П. А. Трибунского в ошибках, а для уточнения некоторых деталей, приведем только два замечания. Так, нельзя считать, как в примечании 22, «Современные записки» только литературным журналом (с. 280). В примечании 163 под С. Н. Трегубовым имеется в виду не малоизвестный новисадский эмигрант, а живший в это время в Белграде Сергей Николаевич Трегубов (1867–1945) — сенатор, бывший прокурор Петербургского окружного суда, профессор правоведения, профессор Белградского университета, советник МВД Югославии, председатель правления Общества военных юристов в Югославии, председатель Зарубежного союза русских судебных деятелей, председатель Белградского отдела Комитета Правоведческой кассы, председатель Центрального Сербского организационного комитета по выборам на Зарубежного съезд, генеральный секретарь Российского Зарубежного съезда 1926 г. в Париже от русской эмиграции в Германии, член Верховного круга и руководитель отдела «Братства Русской Правды» в Югославии (с. 552).

На мой взгляд, любой российский гуманитарий найдет в «Воспоминаниях» Е. В. Спекторского для себя много интересного и ценного. Мемуары действительно интереснейший источник по русской культуре дореволюционного времени, эпохе Гражданской войны и Русскому Зарубежью. Дорогие читатели, не пожалейте времени — ознакомьтесь с тестом этих мемуаров. Вы получите большое интеллектуальное удовлетворение и от их стиля, и от малоизвестной фактографии, и от размышлений великого русского ученого Е. В. Спекторского.